

Светлана
МАКАРОВИЧ

ПОДСОЛНУХИ

Выйду в поле, выйду в поле,
в подсолнухи жёлтые.
Долго простою под солнышком,
обернусь подсолнушком.

А наступит тихий вечер –
спустится ко мне стервятник,
клюнет в темя клювом чёрным –
припаду я к травам сорным.

Повыклёвывают птицы
мои глаза-семечки,
а подсолнухи-сестрицы
будут солнца дожидаться,

будут солнца дожидаться,
что со мной – не будут знать,
будут головы склонять
оттого лишь, что стемнело.

СЧИТАЛКА

Красных вишен сладок вкус,
а чёрных – ещё больше.
Быть помехою боюсь
год от году больше.
Замираем у ворот,
начинаем вишням счёт:
раз – мои, два – твои, три – его.

Рада красному я маку,
а чёрному – больше.
Привыкаю к тьме и мраку
год от году больше.
Замираем у ворот,
начинаем судьбам счёт:
раз – моя, два – твоя, три – его.

Песни напевать хочу,
а ссориться – больше.
Но молчу, молчу, молчу
год от году больше.
Замираем у ворот,
начинаем мёртвым счёт:
раз – твои, два – мои, три – его.

Переводы М.Вирта

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Скажи, отчего
не идет к тебе сон?
Иль ветра боишься?
Не бойся – ведь он
поет-завывает
всего лишь о том,
как будет, когда мы
свое отживем.
Как будет катать он
белесые кости
по голой степи,

по пустынной коросте,
как высушит сердце,
как из-под ребра
он выдует все,
чем дышал ты вчера.
Он воеет и бьется,
фрамугой звеня,
и ждет не дожидается
урочного дня.
Он смерть зазывает –
и только – в наш дом.
Не бойся, не бойся,
усни сладким сном.

Переводы Ж.Перковской

СВАДЬБА

Вот имя твое – вязь глазури цветной
на пряничном сердце,
что слеплено мной.
Я клетку запру, потеряю ключи,
присяду, задую огарок свечи.

Ах, сердце из теста,
мой дар без затей!
В углу раздастся шуршанье мышей.
Забрезжит рассвет –
и на сердце моем
проступит клеймо
обручальным кольцом.

Двухспальное ложе.
По всей простыне
рассыпались крошки
и колют во сне.
Двойному дыханью внимают в углу
две мыши, глядящие в серую мглу.

ИГЛА

Мельтешит, снует иголка –
взад-вперед, туда-сюда.
Нитью незаметно-тонкой
нас сшивает навсегда.

Пусть ныряет, пусть скрепляет
нас с тобой, тебя с другим.
Чем быстрее она мелькает,
тем созвучней мы молчим.

Колет, тащит, увлекает
острую тугую нить,
чуть замешкался – успеет
намертво тебя пришить.

Горло – к горлу, невозможно
ни плотнее, ни тесней.
Прорастает кожа в кожу
все сильнее, все горячеей.

Шьет, скрепляя ночью, деном
руки, ноги, груди, спины.
Не дыши в лицо враждебно –
мы уже неразделимы.

Что мое, а что чужое,
знает камень у виска.
Из проколотой ладони
спущен воздух в два стежка.

Что запуталось когда-то,
не распутать – разрубить.
Что однажды было смято,
то уже не распрямить.

У кого-то дрогнет сердце
(или вспомнит кто кого).
Распахнется настежь дверца –
это путь для одного.

Вдруг сорвется, вдруг ужалит,
взрежет руку до костей,
нервы, жилы измочалит,
звякнет, сгинет в темноте.

Недоступно. Неоглядно.
Было. Есть. И будет впредь.
Бесконечно. Беспощадно.
Над горой – звезде гореть.

Переводы Ж.Гилёвой

Борис А. ЗОВАК

ИЗГНАНИЕ

И ни одна звезда не говорит.
 Смотрю в пустое северное небо,
 а южный небосвод во тьме сокрыт,
 и белый город, где давно я не был,
 вот-вот умрет за звездною стеной.
 Леса растут меж памятью и мной,
 пробраться все труднее. Сквозь туманы
 я вижу тень большой смертельной раны
 в себе самом и узнаю с трудом
 свой призрак, полумертвый, черный, странный.
 Моя гортань – единственный мой дом.

ПИСЬМО

Я думаю всё чаще о тебе,
 в которого не верю. Но колено
 склоняется, как в детстве, неизменно,
 перед тобой одним – и не в мольбе,
 в безмолвной тишине кровотокащей,
 а ты сокрыт в непроходимой чаще
 трусливых рук, что так боятся ран.
 Скажи, Иисус, а очень больно было?
 Боль молнией пронзила ночь и длань,
 и в ней одной – связующая сила.

А ты, которого не существует, –
 упругий ветер за моей спиной,
 страх первой сказки, меч на дне колодца.
 Могильную траву вечно живую
 твои лучи разрыли надо мной.
 Я одинок. Неодолимый зной,
 нас разделяющий, не шелохнётся.

Но тень твоя со мною остаётся.
Скажи, Иисус, а очень больно было?
Наверно, больно. Белизна слепила.

Ты знаешь, что такое быть для многих,
не для себя. Глядеть, как плачет мать,
обняв твои хладеющие ноги.
Но нет тебя. Мне это принимать
в свои земные слабые ладони.
Что проку в их беспомощном заслоне?
Скажи, Иисус, а очень больно было?
Будь я тобой, когда кровоточила
твоя рука, я б взял её сначала
в ладони – и тебе бы полегчало.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Я жду на башне светлой колесницы,
но жду напрасно. Прошлого не стало,
а будущее бесконечно мало,
оно идёт в кровавой власянице.

На небе блеск: трехглавая орлица
на город выпускает сноп кинжалов.
Горят костры. По рекам и каналам
чума проникнуть в каждый дом стремится.

Пусть гибнет величая столица,
а я пытаюсь петь и веселиться
на крыше башни из слоновой кости.

Отсюда я увижу, словно птица,
когда незванные нагрянут гости.
И у вещей нерадостные лица.

К ЮГО-ВОСТОКУ ОТ ПАМЯТИ

Силою воспоминаний мёртвых
к жизни звать не надо.
Ни ответов, ни признаний.
Только зимняя прохлада
в тишине пустого сада.
Размыкается кольцо.
Им молчание – награда.
Не тревожьте мертвецов.

Мёртвым боль от покаяний
пропитала душу ядом.
И ларец их тайных знаний
заперт от чужого взгляда.

Спит долина винограда,
 безмятежный край отцов –
 на восток, на юг от ада.
 Не тревожьте мертвецов.

Призывайте дня сиянье,
 горы, лес и водопады,
 призывайте утром ранним,
 как пастух скликает стадо.
 Белизна в крови разлада;
 из запекшихся рубцов
 мак растёт, но так и надо:
 не тревожьте мертвецов.

Глубже, чем хватает взгляда,
 правда памяти отцов.
 Облака – лишь ложь распада.
 Не тревожьте мертвецов.

Переводы В.Сонькина

*Моне
 НАВЧЕК*

КРЕСТНАЯ

Я сызмальства помню: она все бежала, бежала –
 то к речке с бельем, то на луг, то полоть виноградник,
 в амбар за мукой, и к печи, и по праздникам в церковь,
 бежала весь день напролет, даже ночью, во сне
 бежала от бед каждодневных, от страхов, грозящих
 из темных ночей, с чердака или прямо с небес.
 Но как ни бежала – судьбу перегнуть не сумела,
 ведь, сколько ни бегай, нельзя убежать от себя.
 Потом постепенно, не сразу, замедлила бег,
 а после все чаще случалось ей остановиться,
 то слушая звон поминальный, то грома раскаты,
 и вот, словно силы не стало, на сельском погосте
 стояла, застыв изваянием скорби и боли,
 когда засыпали сестру ее, мужа и брата,

и сына, и дочь. И тогда, наконец, никуда
уже не спешила, и только подолгу бродила
в лесу за деревней, а чаще сидела у дома,
улавывая вперед, словно гостя ждала дорогого,
который, как учит молитва, придет и избавит.
Такой ее вижу и ныне я – в темных одеждах,
со взглядом, что видит свои и чужие невзгоды,
и словно неслышно звучит в ней старинная песня:
«Бежала девчоночка, счастьем бежала навстречу...»
Теперь же я сам к ней бегу через горы и реки,
бегу за дарами ее: за святою водицей,
за стойкостью, имя которой она воплощала,
бегу за молчаньем, душевную боль утолившим,
за горстью черешен из юности чьей-то ушедшей.

ШАГ В НЕБО

У земли, которую пашешь,
у лозы, которую холишь,
у бурьяна, который полешь,
долгий-предолгий век.
А ты, пройдя от края до края поля,
туда, где раскинул ветви засохший орех,
посмотришь в небо, увидишь родные лица
и подумаешь: счастье, что это
однажды случится.

Счастье, что за тобой придут,
обступят со всех сторон,
и уже никуда не деться,
и круг тобою замкнется.

И, стоя тесно, плечом к плечу,
глядя в глаза друг другу,
держась за холодные потные руки,
мы наконец пойдем,
что вот-вот навсегда шагнем
в серебристую синеву,

оставляя где-то внизу
землю, бурьян, лозу.

Переводы Ж.Перковской

